

28. Feygin Ya. G. *Razmeshchenie proizvodstva pri kapitalizme i sotsializme* [Location of socialistic and capitalistic industry]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 552 p.

29. Fradkin N. G. *Akademik I. I. Lepekhin i ego puteshestviya po Rossii v 1768–1773 gg.* [Academician Lepehin and his journeys across Russia in 1768–1773 yy.]. Moscow, Geographiz Publ., 1953, 226 p.

30. Chevakinskiy A.I. *Kommercheskaya geografiya Rossii: sravnitelnoe obozrenie s glavneyshimi gosudarstvami mira* [Commercial geography of Russia: comparative overlook with main world states]. St. Petersburg, 1909, 198 p.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-60-3-096-102

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ⁷

Негров Евгений Олегович, кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
E-mail: negrov2001@mail.ru

Проведён анализ трансформации дискурса европейской идентичности на протяжении второй половины XX – начала XXI в. Поиск общих закономерностей данного процесса может помочь построить соответствующие модели, применимые к политическим условиям Российской Федерации. В качестве эмпирического материала выбрана ситуация в европейском сообществе, преимущественно в рамках Европейского союза, в настоящее время объединяющего 28 стран. Поскольку идентичность, в том числе и европейская, – не только конструкт, формируемый с разной степенью успешности, но и реальность, объективная данность, выступающая как совокупность характеристик, отличающих в данном конкретном случае европейцев от других, постольку данная тема является не только предметом изучения академического дискурса, но и важной темой, формирующей реальную политическую повестку дня.

Ключевые слова: дискурс, трансформация дискурса, политическая идентичность, европейская идентичность, гражданское общество, электорально значимое большинство, социальный конструктивизм, политические элиты, европейская интеграция, Европейский союз

TRANSFORMATION OF DISCOURSE OF EUROPEAN IDENTITY: CAUSES, PROSPECTS AND LESSONS FOR RUSSIA

Negrov Evgenii O., Ph. D. (Policy), Associate Professor
St. Petersburg State University
build. 1/3, Smolnogo St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation
E-mail: negrov2001@mail.ru

The article deals with the analysis of the transformation of the discourse of European identity during the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. A search for general patterns of this process can help build appropriate models applicable to the political conditions of the Russian Federation. The situation in the European community was chosen as the empirical material, mainly within the framework of the European Union, currently uniting 28 countries. Since identity, including European one, is not only a construct formed with varying degrees of success, but also an objective reality, acting as a set of characteristics that distinguish Europeans from others in this particular case, this topic is not only a subject of study of academic discourse, but also an important topic forming a real political agenda.

Keywords: discourse, transformation of discourse, political identity, European identity, civil society, electorally significant majority, social constructivism, political elites, European integration, European Union

Проведён анализ трансформации дискурса европейской идентичности и поиску общих закономерностей данного процесса, которые могут помочь построить соответствующие модели, применимые к политическим условиям Российской Федерации. Анализ трансформации дискурса об идентичности, могли бы, с нашей точки зрения, быть достаточно полезными и для лиц, принимающих решения в сфере культурной политики (как на уровне законодательной власти, так и на уровне исполнительной, в рамках работы Федерального агентства по делам национальностей) в нашем Отечестве.

---

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies within the framework of the implementation of the scientific project No. 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" at St. Petersburg State University.)

Надо отметить, что категория политической и гражданской идентичности достаточно хорошо разработана в зарубежной и отечественной науке. В рамках опоры на основные русскоязычные материалы по теме, вышедшие уже в XXI в., следует выделить из новейших исследований труды С. Ю. Белоконова, В. В. Титова и З. Р. Усманова [3], Е. В. Шишкиной, Е. В. Викторова и О. В. Алексеевой [18], а из более ранних, но сохраняющих свою актуальность и релевантность сегодняшней политической обстановке, – С. В. Арапиной [2], М. В. Берендеева [4], О. Ю. Малиновой [8], П. В. Панова [10], В. И. Пантина [11], О. В. Поповой [14; 15], Л. В. Сморгунова [16] и И. Н. Тимофеева [17], а также весьма информативный и содержательный сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН «Идентичность как предмет политического анализа» [7], изданный в 2010 г., и двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности» [12; 13], вышедший в свет в 2012 г.

Поскольку идентичность, в том числе и европейская, – не только конструкт, формируемый с разной степенью успешности, но и реальность, объективная данность, выступающая как совокупность характеристик, отличающих в данном конкретном случае европейцев от других, постольку данная тема является не только предметом изучения академического дискурса, но и важной темой, формирующей реальную политическую повестку дня. Критерии самих различий самые разные – традиции, культура, образ жизни, система ценностей, общая история, картина мира и т. д. Причём рассматривать всё это следует не в дихотомическом ключе «или – или», а в плане поиска и выявления приоритетов в иерархической системе преваляирования тех или иных ценностей.

При всём этом важно зафиксировать разрыв между теорией вопроса об идентичности и его реальным наполнением. Вопрос выработки единых критериев весьма важен, т. к. в публичном пространстве существуют абсолютно разные политические, социальные, экономические, мировоззренческие представления о европейской идентичности. Так, один из архитекторов единого европейского пространства, французский государственный деятель и политик Робер Шуман (1886–1963) считал, что процесс интеграции и создания новой Европы будет долгим и поэтапным мероприятием, на каждом из этапов которого можно будет фиксировать повышение общеевропейской солидарности [20, с. 5]. Очевидно, что процесс реальной интеграции пошёл быстрее, чем предполагали отцы-основатели единого европейского пространства, и по примеру Монголии, которая по известной шутке из феодализма пыталась сразу попасть в социализм, европейская идентичность понимается по разному едва ли не в каждом из 28 государств-членов ЕС.

Не следует забывать, что в основе любого дискурсивного конструкта лежит идеальный концепт, в нашем конкретном случае речь следует вести о концепте единой Европы с точки зрения её идеального устройства. Любая декларация такого рода, будь то официальный общеевропейский документ или манифест конкретной политической силы, отталкивается именно от образа желаемой реальности, а не грубой «прозы жизни». Но здесь кроется парадокс, который и привёл к достаточно осязательному «поправению» публичной политики и выбора электро-значимого большинства во многих отдельных странах европейского сообщества и, к примеру, на выборах в Европарламент, прошедших в мае 2019 г. В основе идеального будущего лежит представление об идеальных носителях такого будущего и его строителях, т. е. здесь во весь рост встаёт вопрос о «воображаемом сообществе» в его классическом понимании, впервые предложенным Б. Андерсоном (1936–2015) [1].

На практике это означает, что в рамках одного подхода рядовой избиратель на вопрос об истинных ценностях европейца сразу декларирует свободу личности, либеральную экономику, правовое сознание, мультикультурализм и толерантность, в рамках другого – преобладание идеи конкуренции («каждый сам за себя!»), «бремя белого человека», интеллектуальный и экономический снобизм, региональный протекционизм и т. д., в рамках третьего – неприятие идеи государства и наднациональных институтов как таковых, а четвертого и последующих демонстрирует сочетание разных факторов из разных подходов, с точки зрения теории слабо сочетающихся друг с другом или даже взаимоисключающих, но на практике вполне присущих одному сознанию⁸. И точно так же, как и в Библии, можно найти ссылки на противоречащие друг другу нормы жизни, в европейской истории можно найти подтверждение взаимоисключающим и антагонистическим дискурсам. При этом некоторые исследователи, занимающиеся вопросами идентичности,

---

⁸ Ср., к примеру, с феноменом декларирующих одновременно приверженность коммунистической идеологии и религиозность в нашем Отечестве.

считают, что нет какой-то отдельной, привязанной к географической локации, идентичности, и указывают, что «то, что мы называем европейской, американской или азиатской идентичностью, есть [лишь] порождение дискурса» [4, с. 72].

Как было показано выше, само понятие европейской идентичности амбивалентно, и у неё нет чётко очерченных и консенсусных временных и пространственных критериев, до сих пор существуют разные подходы к самому понятию. Существует точка зрения, согласно которой европейские ценности преобладают там, где большинство населения их разделяет, и сам по себе этот феномен не имеет чёткой географической и пространственной привязки. Поэтому, к примеру, Япония или Ботсвана в политическом смысле может быть намного ближе к европейской идентичности, чем, к примеру, Албания или Румыния. Согласно такому подходу, европейская идентичность, в принципе, может быть не локализована границами, будь то границы «зоны евро», Шенгенского соглашения, Евросоюза или даже европейского субконтинента, а выходить за их рамки по принципу античного афоризма о шатре и Риме, который «всегда с тобой».

При этом следует помнить, что ключевое понятие в реальной идентичности (в отличие от её манифестирования) состоит в следовании (а не в симуляции или имитации) институциональной составляющей «европейскости», а не каким-то внешним маркерам, типа моды, архитектуры или уровня потребления. При этом существует чёткое понимание того факта, что, если раньше сам европейский конструкт практически совпадал с ареалом распространения западной версии христианства, то теперь он существенно цивилизационно и пространственно расширился. При этом налицо факт трансформации подходов к концепциям европейской идентичности, в большинстве которых акцент смещается с дискурса единого культурного и цивилизационного пространства на дискурс необходимости быстрого реагирования на внешние стимулы, подчас несущие существенную угрозу самому существованию единого европейского пространства: миграция, Брексит, экономический кризис, организованная преступность, коррупция, фактор крупных государств, идеологически или функционально оппонирующих политике Евросоюза, – Иран, Россия, Турция.

Есть мнение, что институциональная проблема сегодня мешает развитию европейской идентичности, загоняет её в тупик, делая её всё более категорией политического дискурса, нежели практикой. «Для большинства европейских граждан ЕС ничего, кроме абстрактной концепции, не представляет. Многие люди не считают, что система управления ЕС является частью их повседневной жизни, хотя арены вмешательства и политические полномочия ЕС постоянно расширяются» [4, с. 75].

Для того чтобы европейцы ощущали общеевропейскую идентичность, институты Евросоюза должны стать более значимыми и легитимными в глазах рядовых граждан ЕС⁹. Очевидно, что люди не могут искренне участвовать в системе, к которой не чувствуют себя принадлежащими.

Нельзя, на наш взгляд, говорить о европейском самосознании вне осознания носителя такой идентичности собственной принадлежности к Европе, причём не только в географическом, но и социокультурном смысле. Отрицать тот факт, что традиционная идентичность размывается, бессмысленно. Есть объективный процесс перехода одной из форм идентичности в плоскость европейских институтов (Брюсселя), а другой – в средне- и микрорегиональный уровни (Эльзас, Каталония, Швабия, Балтийский регион и т. д.), впоследствии обуславливающих новые связи регионов непосредственно с институтами Евросоюза, минуя национальные правительства.

Трансформация новой идентичности протекает достаточно противоречиво и зачастую парадоксально. В ряде случаев мы можем зафиксировать как усиление национальных и даже националистических движений и практик («Альтернатива» для Германии в ФРГ, «Лига Севера» в Италии, «Фламандский интерес» в Бельгии, «Йоббик» в Венгрии и т. д.), так и стремление части общества к общеевропейской идентификации (Каталония, Шотландия).

Политики, стоящие у истоков создания Евросоюза, не считали задачу формирования общеевропейской идентичности сверхважной и первоочередной. Они считали, как уже отмечалось, что сам процесс создания объединённой Европы будет долгим процессом, состоящим из нескольких этапов, на каждом из которых будут последовательно решаться вопросы создания новой идентичности. На тот момент (середина XX в.) было очевидно, что в рамках одного европейского пространства сосуществуют абсолютно разные исторические, политические, социальные

---

⁹ Именно в недостатке ощущения такой связи кроется, на наш взгляд, причины феномена Д. Трампа в Соединённых Штатах Америки, В. Зеленского – в Украине, П. Грилло – в Италии и т. п.

и нормативные ценности и подходы и, как следствие, представления о европейской идентичности. Причём изначально одной из фундаментальных основ европейского проекта был тезис идентичности, основанный на отрицании только своей национальной принадлежности.

У тех, кто формировал первоначальный дискурс общеевропейской идентичности, была изначально уверенность в том, что возможно создать универсальную европейскую идентичность, которая будет выше и, в конечном счёте, заменит национальную идентичность. Данные представления сильно коррелируют с представлениями идеологов в нашем Отечестве в начале организации и становления Советского Союза и, шире, формирования понятия «советский народ» параллельно с процессами по созданию и культивированию национально-культурных автономий. Можно выделить два основных тренда в этом вопросе – апеллирование к универсальности европейской цивилизации на всем протяжении ее тысячелетней истории или общность политических принципов и институтов, которые можно создать в рамках одного – двух поколений (китайцы в Сингапуре, две Кореи и т. д.).

Также нельзя не принимать во внимание тот факт, что приоритеты внутри иерархии факторов идентичности трансформируются не только у носителей этой идентичности, адресатов формируемого дискурса, но и адресантов, тех, кто определяет политическую повестку дня. Так, с началом институционально оформляемых интеграционных процессов на первый план вышли экономические и политические факторы, а историко-культурные и цивилизационные стали вторичными. Один из видных сторонников такого подхода, итальянский политолог Фурио Черутти сформулировал это следующим образом: «Политическая идентичность – ансамбль политических ценностей и принципов, которые мы признаём в качестве базиса нашей политической группы... Это акт признания или идентификации объединяет нас в единое Мы» [19].

В европейском публичном дискурсе мейнстримом считается положение о том, что идентичность представляет собой социальный конструкт, тесно связанный с интеграционными процессами. Известнейшие философы и лидеры общественного мнения француз Жак Деррида (1930–2004) и немец Юрген Хабермас (р. 1929) ещё в 2003 г. опубликовали манифест «После войны: возрождение Европы», где писали следующее: «Сегодня нам известно, что многие политические традиции, претендующие на авторитетность под предлогом своей естественности, на самом деле “изобретены”. В противоположность им, та европейская идентичность, что смогла бы возникнуть при свете публичности, была бы сконструированной с самого начала» [6].

Из анализа исторических процессов видно, как именно конструировалась европейская идентичность. Первая Декларация европейской идентичности была подписана девятью первыми странами-членами Евросоюза¹⁰ в декабре 1973 г. Там было зафиксировано, что «несмотря на вражду и конфликты в прошлом, европейские страны имеют общие цели и интересы. Это должно способствовать объединению Европы и созданию общеевропейских институтов. Основными принципами институтов должны быть верховенство прав человека, соблюдение законов и демократия» [Декларация]. Летом 1984 г. на саммите в Фонтенбло (Франция) руководители десяти стран-членов (девять стран, подписавших Декларацию идентичности, и присоединившаяся в 1981 г. Греция) официально провозгласили необходимость усиления европейской идентичности и санкционировали создание рабочей группы, которая должна была разработать дорожную карту по форсированию европейской идентичности и формированию единого внутреннего пространства Европы. Данный проект получил название «Народная Европа» (альтернативный перевод – «Европа народов»). В рамках реализации этой программы были приняты такие конкретные меры, как взаимное признание всеми государствами-членами ЕС дипломов о высшем образовании (1985), введение единого паспорта (1986), принятие единых символов – гимна и флага (1986), то, без чего сегодня невозможно представить единое европейское пространство.

Уже в XXI в. акцент стал делаться на микрополитику. Так, в рамках программы «Европа для граждан» особое внимание уделяется трём направлениям: налаживанию сотрудничества между муниципалитетами европейских стран, поддержке гражданских инициатив и организаций гражданского общества и проведению специальных объединяющих мероприятий – конференций, праздников, событий и т. д.

---

¹⁰ Первыми шестью странами, стоящими у истоков создания Европейского объединения угля и стали, были Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция, затем присоединились ещё три страны – Великобритания, Дания и Ирландия.

Крупнейшая европейская социологическая служба «Евробарометр» регулярно проводит и публикует данные опросов населения стран-членов Евросоюза, в том числе по вопросам приоритета их идентичности. К примеру, в 2013 г. только для 32 % респондентов европейская идентичность стояла на первом месте по сравнению с национальной, притом, что 74 % считали себя европейцами и 94 % ставили свою национальную идентичность на первый план [2].

С одной стороны, этнокультурные факторы идентичности (национальность, язык, религиозная принадлежность), представленные в настоящее время в рамках всего пространства Евросоюза, настолько многообразны, что строить европейскую идентичность на их основе невозможно. Скорее верно обратное – этнический фактор деконструирует потенциальное единство, является важным фактором известной дискурсивной дихотомии «Европа наций» против «Единой Европы». Так, несмотря на несомненный примат английского языка как языка международного общения в рамках европейского (да и мирового) пространства, языковая проблема сама по себе никуда не ушла и является важным фактором политической борьбы. Язык занимает существенное место в ходе политической борьбы, т. к. он является весьма и весьма важным фактором идентичности, иногда превалирующим над всеми остальными¹¹. И здесь важную роль играет использование политических и политологических дискурсивных практик в противовес практикам, апеллирующим к цивилизационным и культурным основаниям. Несмотря на то, что политический институциональный дизайн стран-членов Евросоюза весьма разнообразен (президентские и парламентские республики, а также конституционные монархии с разными избирательными системами), и собирание их в единое унифицированное целое представляется утопической и бессмысленной задачей, политическое единство манифестируется не через идеал политической организации того или иного общества в рамках Евросоюза, а идеальными политическими практиками. При этом не стоит забывать, что с момента подписания Договора о создании Евросоюза, в нём до сих пор не решён вопрос легитимности наднациональных структур и их связи с гражданами каждой из стран. Это обстоятельство усиливает позиции евроскептиков, как участвующих «в долгих» (см. кейс того же Брексита – процесса выхода Великобритании из Евросоюза в результате референдума 23 июня 2016 г.), так и более конъюнктурных (направленных на конкретную избирательную кампанию) процессах.

Заканчивая исследование, заметим, что, на наш взгляд, пока на данный момент европейская идентичность в контексте выборов в Европарламент не выходит за рамки дискурса и политической риторики и слабо связана с контекстом реальной повести дня современного мира. Несомненно, что европейская идентичность представляет собой социальный конструкт и формируется с помощью различных государственных и надгосударственных механизмов, основными из которых являются символическая политика, наднациональное гражданство, открытые границы и беспрепятственное передвижение граждан, образовательная и экономическая интеграция. Очевидно, что мы присутствуем в начале долгого процесса, который приведёт к тем или иным последствиям в зависимости от судьбы европейского интеграционного процесса и последствий принимаемых решений. Данный процесс сам по себе может и должен быть весьма поучительным для принимаемых решений в данной сфере в нашем Отечестве, т. к. Россия – государство федеративное и многонациональное – также остро нуждается в закреплении позитивной идентичности, объединяющей страну и поиске консенсусного дискурса на основе компромиссных критериев.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – Москва : Кучково поле, 2016.
2. Арапина, С. В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) / С. В. Арапина // Алтайская школа политических исследований. – 2013. – Режим доступа: <https://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=2232>, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 24.06.2019).
3. Белоконов, С. Ю. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века / С. Ю. Белоконов, В. В. Титов, З. Р. Усманов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 1, вып. 21. – С. 90–98.
4. Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? / М. В. Берендеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 6. – С. 70–79.

---

¹¹ См., к примеру, «языковые войны» на территории стран бывшего Советского Союза, где политическая и культурная элита форсирует отказ от русского языка как языка межнационального общения и «языка повседневности», а электорально значимое большинство пассивно сопротивляется этому.

5. Declaration European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). – Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 27.06.2019).
6. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы [манифест] / Ж. Деррида, Ю. Хабермас. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy#s*, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата доступа: 27.06.2019).
7. Идентичность как предмет политического анализа / редкол.: И. С. Семенов, Л. А. Фадеева, В. В. Лапкин, П. В. Панов. – Москва : Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 2011.
8. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
9. Негров, Е. О. Идеологическая идентичность петербуржцев первого десятилетия XXI века: коллективный портрет / Е. О. Негров // Политэкс. – 2001. – № 2, т. 7. – С. 62–86.
10. Панов, П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка / П. В. Панов. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 230 с.
11. Пантин, В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России / В. И. Пантин // Политэкс. – 2011. – № 2, т. 7. – С. 42–51.
12. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки. – 208 с.
13. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2012. – Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.
14. Попова, О. В. Европейская vs общегражданская идентичность: противостояние существует? / О. В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. – 2012. – Вып. 1. – С. 78–84.
15. Попова, О. В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы / О. В. Попова // ПОЛИС. Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 143–157.
16. Сморгун, Л. В. Политическая идентичность и понятие политического. Размышления над прочитанным / Л. В. Сморгун // ПОЛИС. Политические исследования. – 2012. – № 6. – СС. 178–185.
17. Тимофеев, И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму истории / И. Н. Тимофеев // Вестник Московского государственного института международных отношений. – 2010. – № 3. – С. 49–56.
18. Шишкина, Е. В. Интеграционные процессы в ЕС и европейская идентичность / Е. В. Шишкина, Е. В. Викторова, О. В. Алексеева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, 2018. – 66 с.
19. Cerutti, F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction / F. Cerutti // A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans / ed. by F. Cerutti and E. Rudolph. – Leuven, 2001. – Vol. 1.
20. White, T. R. European Integration, Identity, and National Self Interest: The Enduring Nature of National Identity / T. R. White. – Режим доступа: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=poliscitheses>, свободный. – Заглави с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 04.07.2019).

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016.
2. Arapina S. V. *Evropeiskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotoryye aspekty)* [European identity: theory and practice (some aspects)]. *Altayskaya shkola politicheskikh issledovaniy* [Altai school of political research]. Available at: <http://www.ashpi.asu.ru/ici/?p=2232> (Accessed: 24.06.2019).
3. Belokonev S. Yu, Titov V. V., & Usmanov, Z. R. *Rossiiskaya natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' perez vyzovami 21 veka* [Russian national and state identity in front of challenges of 21st century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Herald of Peoples' Friendship University of Russia], 2019, no. 1 (21), iss. 21, pp. 90–98.
4. Berendejev, M. V. "Evropeiskaya identichnost'" segodnya: kategoriya politicheskoy praktiki ili diskursa? ["European identity" today: category of political practice or discourse?]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of the Baltic University named after I. Kant], 2012, iss. 6, pp. 71–77.
5. Declaration on European Identity. Available at: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (Accessed: 27.06.2019).
6. Derrida J., Habermas Yu. *Nashe obnovlenie posle voyny: vtoroe rozhdenie posle Evropy* [Our updating after the war: the second birth after Europe]. Available at: http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy#s* (Accessed: 27.06.2019).
7. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Ed. by I. S. Semenov, L. A. Fadeeva, V. V. Lapkin, P. V. Panov. Moscow, Institute of World Economy and International Relations, RAS Publ., 2011.
8. Malinova, O. Yu. *Simvolicheskaya politika v konstruirvanie makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii* [Symbolic policy and constructing of macro political identity in post-Soviet Russia]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2010, no. 3, pp. 90–105.
9. Negrov E. O. *Ideologicheskaya identichnost' peterburzhcev pervogo desyatiletiya 21 veka* [Ideological identity of Petersburgers of the first decade of the 21st century: collective portrait] *Politeks* [Politeks], 2001, no. 2, vol. 7, pp. 62–86.
10. Panov P. V. *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka* [Institutes, identities, practices: theoretical model of political order]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011.

11. Pantin V. I. Natsionalno-tsivilizatsionnaya identichnost: spetsifika Rossii [National and civilization identity: specificity of Russia]. *Politeks* [Politeks], 2011, no. 2, vol. 7, pp. 42–51.
12. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and politics of identity: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, vol. 1.
13. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and politics of identity: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, vol. 2.
14. Popova O. V. Evropeyskaya vs obshchegrazdanskaya identichnost: protivostoyaniye sushchestvuet? [European vs civil identity: is there a confrontation?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6* [St. Petersburg State University Herald. Series 6], 2012, iss. 1, pp. 78–84.
15. Popova, O. V. Osobennosti politicheskoy identichnosti v Rossii i stranakh Evropy [Particular qualities of political identity in Russia and countries of Europe]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2009, no. 1, pp. 143–157.
16. Smorgunov, L. V. Politicheskaya identichnost' i razmyshleniya nad prochitennym [Political identity and notions of political. Reflections on the read]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2012, no. 6, pp. 178–185.
17. Timofeev I. N. Rossiiskaya politicheskaya identichnost cherez prizmu istorii [Russian political identity through prism of history]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy* [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations], 2010, no. 3, pp. 49–56.
18. Shishkina E. V., Viktorova E. V., Alekseeva O. V. *Integratsionnye protsessy v ES i evropeiskaya identichnost* [Integration processes on EU and European identity]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018.
19. Cerutti F. Towards the Political Identity of the Europeans: An Introduction. *A Soul for Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans*. Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Leuven, 2001, vol. 1.
20. White T. R. *European Integration, Identity, and National Self Interest: The Enduring Nature of National Identity*. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=poliscitheses> (Accessed: 04.07.2019).